

УДК 316.285

СПЕЦИФИКА И ПРИЧИНЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Н.В. Буянова

Аннотация

В статье предпринята попытка раскрыть специфику этнополитического конфликта через рассмотрение его в двух плоскостях – политической и этнической. В первом случае рассматриваются такие понятия, как этничность, этнос, этнический конфликт; во втором – политический конфликт, политизация конфликта. В статье находят отражение и вопрос о степени конфликтности политической, социально-экономической и этнической сфер, последняя из которых сама по себе не является конфликтной. Анализируются также основные теории причинности этнополитического конфликта с учетом того, что все они являются взаимодополняемыми, а сам конфликт испытывает на себе влияние большого количества факторов.

Рассматривая этнополитический конфликт как явление социальной и политической жизни, прежде всего считаем нужным отметить, что, поскольку в любом конфликте всегда задействованы люди, является неоспоримым тот факт, что этнополитический конфликт – это разновидность социального конфликта. И, безусловно, как особый тип социального конфликта этнополитический имеет свои особенности. Например, такого рода конфликты относятся к числу самых жестоких, бескомпромиссных, в которых чаще, чем в других, применяется оружие и которые плохо поддаются урегулированию. Данные особенности определяются, на наш взгляд, единством этнических и политических факторов.

Этнополитический конфликт

«Этническая плоскость»	«Политическая плоскость»
<i>этничность</i>	<i>политика</i>
<i>этнос</i>	<i>политизация конфликта</i>
<i>этнический конфликт</i>	<i>политический конфликт</i>

Схема 1. Плоскости рассмотрения этнополитического конфликта

Именно по этой причине для выявления особенностей этнополитического конфликта считаем целесообразным рассмотрение его в двух плоскостях – этнической и политической (схема 1). Этот подход является авторским и, возможно, дискуссионным.

Используя данный метод или подход, в каждой из двух плоскостей нами были выделены ключевые, на наш взгляд, понятия, необходимые для раскрытия содержания основного – этнополитический конфликт.

Итак, в этнической плоскости таковыми будут являться следующие: «этничность», «этнос», «этнический конфликт».

Примордиалистский подход предполагает рассмотрение этничности¹ [1, с. 73] как природной данности, имеющей объективную основу в природе или обществе. Отсюда этническая общность – это общность по крови, языку, обычаям, традициям, а также психическому складу людей [2, с. 62; 3, с. 95–110; 4, с. 18–19].

В данной концепции исследователи выделяют два подхода: социально-исторический и биосоциальный. Вызывает интерес биосоциальная теория Л.Н. Гумилева об этносе как о явлении географическом, о связи этноса с энергией космического излучения, способствующего появлению у части людей повышенной тяги к действию – пассионарности. Такие люди, по Гумилеву, «объединяясь на основе единых стереотипов поведения и общности самосознания, и образуют этнос. Растратив энергию, полученную в момент пассионарного толчка, этнос переходит к равновесному состоянию или распадается на части» [5, с. 14].

За рубежом биосоциальный подход к объяснению этноса представлен, прежде всего, Пьером ван ден Берге, который понимает этничность как «предрасположенность человека к родственному отбору» [6, с. 220]. Родственный отбор и родственные связи играют решающую роль в феномене этничности.

Однако в примордиализме все же доминировали социально-исторические или культурно-психологические подходы, сторонники которого понимают этничность как явление социальное, устойчивое, возникшее в результате многовекового исторического опыта группы. Так, Ю. Бромлей осмысливал этнос как социокультурное явление, как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую многопоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований, фиксированном в самоназвании (этнониме)» [7, с. 9; 8, с. 53–55].

Таким образом, в рамках данного подхода этническая идентичность рассматривается в качестве жестко фиксированной характеристики, которую индивид получает при рождении. На нее не действуют ни классовые, ни политические факторы. Этничность русского человека остается неизменной в России, Канаде или в какой-либо другой стране. Этот тезис приводит примордиалистов к выводу о том, что этничность практически неизбежно конфликтогенна сама по себе. Это означает, что этнический конфликт является сугубо специфическим явлением, который не нуждается в специальном объяснении, поскольку рассматривается лишь как следствие этнических различий.

Как отмечает В. Тишков, этот подход особенно касается тех обществ, где этнокультурным различиям придается особая значимость «вплоть до ее официальной регистрации государством и даже построения государственности на

---

¹ Автором термина «этничность» принято считать американского социолога Д. Рисмана.

этнической основе» [4, с. 19]. Однако утверждения о фиксированном характере этнической идентичности вызывают возражения. Как считают Д. Лейк и Д. Ротшильд, в рамках данного суждения нельзя объяснить имеющие место в истории человечества случаи возникновения новых идентичностей или трансформации старых [9, с. 80]. Очевидно, что и тезис о конфликтности этничности должен быть подвергнут критике, поскольку случаи мирных межэтнических отношений существуют. Более того, высокую степень конфликтогенности следует, на наш взгляд, искать в социально-экономической и политической сферах жизни общества.

В центре внимания инструменталистского подхода находятся рациональные аспекты этнической идентичности [10, с. 5–7; 11, с. 62–63]. Данный подход рассматривает этничность как своеобразную реакцию группы людей на определенные ситуации, в которых такая группа оказывается. Этничность при этом – своеобразный источник ресурсов, к которому прибегают тогда, когда это политически выгодно, другими словами, для достижения целей. Кроме того, этничность может быть скрытой или даже вовсе игнорироваться. О ней вспоминают лишь тогда, когда это выгодно.

Что касается этнической идентичности, то с точки зрения инструментализма она представляет собой не фиксированную, как в примордиализме, а подвижную и ситуативно обусловленную характеристику. Например, исторически Кавказский регион – «кавказский фронт» – имеет значение «контактной зоны» различных этнических, религиозных, этноконфессиональных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды свою неповторимую «кавказскую мозаику».

В рамках инструментального подхода по-иному рассматривается и природа этнического конфликта, который выступает лишь одной из форм проявления конфликтного взаимодействия соперничающих групп. Он рассматривается не как результат несовместимости групповых идентичностей, а как следствие межгруппового соперничества за обладание различного рода ресурсами, что, как нам представляется, достаточно ярко находит отражение в реальности.

Как и первый подход, инструментализм, по мнению исследователей, содержит некоторые изъяны [4, с. 19]. Во-первых, это идея о подвижном характере этнических связей. По существу, выбор индивидом этнической принадлежности нельзя рассматривать как целиком свободный, то есть нельзя не брать во внимание относительную устойчивость этнической идентификации. Во-вторых, данным подходом не учитываются иррациональные факторы этничности. Эффективность ее в качестве инструмента зависит не только от интереса, но и от эмоционального восприятия индивидами своей этнической принадлежности.

В 1990-е годы наиболее распространенной парадигмой становится конструктивизм. Это своеобразная попытка объединить два предшествующих подхода. Он не отрицает первоначальной этничности, которая лежит в основе существования различных групп, но все ее дальнейшее развитие рассматривается через призму социальной структуры общества [12, с. 25–26; 13, с. 6–7]. Представители конструктивизма подчеркивают, что каждый из этнических признаков – различия в языке, культуре, обычаях, традициях – в той или иной степени

может быть характерен и для других типов социальных связей, а не только для этнических.

Основы данного подхода были изложены в трудах Б. Андерсона, В. Домингеза, Дж. Ротшильда, М. Эсмана [12, с. 25]. В российской науке приоритет в утверждении конструктивизма принадлежит В.А. Тишкову, который отмечает, что этничность «формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым связаны люди или с которым они идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. Поэтому этническую идентичность следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем как выражение определенного культурного комплекса» [4, с. 20–21]. То есть, как считает Л. Дробижева, этнос с этой точки зрения – не устойчивая общность с культурными характеристиками, а «общность людей, разделяющих представления о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарности» [12, с. 25]. А эти представления – результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности. Поэтому «ключевую роль, – подчеркивает один из основоположников конструктивизма Ф. Барт, – в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, то есть мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы» [2, с. 62] (исследователь Этьен Балибар даже вводит понятие «вымышленная этничность» [14, с. 112]). Исходя из этого, представители данного подхода делают вывод, что на возникновение конфликта влияют действия элит, которые мобилизуют этничность и используют ее как политический ресурс¹. Однако швейцарский историк Урс Альтерматт, придерживаясь конструктивизма и, в частности, идеи о манипуляции элит этничностью, отмечает при этом, что существуют определенные границы этих «махинаций», поскольку элиты «в качестве социальных инженеров политики не могут уничтожить влияние прошлого...» [2, с. 63]. Такой же точки зрения придерживается и умеренный конструктивист Э. Паин, считающий, что границы конструирования этничности могут быть обусловлены множеством факторов – доверие к «конструкторам» и их инструментам, численность этнической общности, ее социальная структура и т. д. [9, с. 21].

Исходя из такого понимания этничности, можно сделать вывод, что конструктивистская трактовка этнического конфликта сходна с инструменталистским пониманием в том, что она также утверждает, что сама по себе этничность не порождает конфликта. Правда, все же они допускают вероятность, что определенные конфликты могут порождаться «иррациональным состоянием социальной системы в целом, которое не контролируется индивидами, в том числе элитами. Но в этом случае источник конфликта лежит в типе социальной системы» [15, с. 25].

Данный подход признает относительную подвижность этнической идентичности, или, по определению Тишкова, так называемого «дрейфа».

Слабые стороны данного подхода критики находят в том, что даваемые его сторонниками объяснения источников и природы этнического конфликта мо-

---

¹ Такой взгляд на причины конфликта характерен и для инструменталистов.

гут применяться не ко всем типам конфликтов, а только к тем, которые основаны на социально-конструируемых группах (клановые, религиозные, региональные, национальные). Другими словами, конструктивистская парадигма неприменима к конфликтам, которые базируются на материальных интересах (классовые конфликты), поскольку в их основе лежат индивидуальные характеристики [16, с. 73].

В последнее время становится популярным интегративный подход, согласно которому рассматриваемые подходы должны носить взаимодополняющий характер. Как пишет С.А. Татунц, «однозначные биологические, идеалистические, социально-классовые, психологические, гедонистические, дискурсивные интерпретации этничности контрпродуктивны» [16, с. 73]. Думается, появление такого подхода закономерно, так как этничность является сложным и многогранным феноменом. Поэтому с точки зрения анализа конфликта наиболее правильно рассматривать природу этничности как сложную, включающую множество элементов.

Поэтому интегративный подход считаем наиболее объективным и обоснованным. Однако добавим при этом, что нашим размышлениям относительно происхождения этнического конфликта ближе общая для конструктивистов и инструменталистов точка зрения: во-первых, считаем, что этничность не может являться конфликтной сама по себе; во-вторых, предполагаем, что она может представлять (и зачастую представляет) собой инструмент для использования в определенных целях и конструироваться элитами для коллективной мобилизации.

Переходя к характеристике этнополитического конфликта через понятия «этнос» и «этнический конфликт», отметим, что в литературе помимо категории «этнополитический конфликт» используются и такие, как «национальный конфликт», «этнонациональный конфликт», «этнический конфликт». Это связано с различным пониманием терминов «нация» и «этнос».

Прежде всего отметим, что в международной литературе термин «этнос» не употребляется. Вместо него используется выражение «этническая группа» или термин «этно», а в правозащитных документах – «этническое меньшинство» [2, с. 62–63; 14, с. 112]. Как пишет В. Тишков, часть восточно-европейских исследователей и немецких коллег используют слово «этнос» (немецкие ученые пишут о понятиях *ethnicum*, *ethnicos*) [4, с. 15–16]. Во франкоязычной литературе употребляется понятие *ethnie*, что, по сути, является синонимом понятия «этническая группа»¹ [17, с. 486; 18, с. 14] (в обыденности французы иногда употребляют в речи и такие понятия, как «*ethnos*», «*groupe ethnique*»). В толковом словаре английского языка присутствует понятие «*ethnic*» [19, с. 470], однако в научной литературе используют «*ethnic group*» – этническая группа.

Понятие «нация» достаточно часто используется в литературе, однако существует при этом множество неоднозначных подходов к его пониманию. Латинское слово «*nation*» означает родовую общность [2, с. 35]. В силу разных

---

¹ *Ethnie – groupement organique d'individus ayant même culture, memes moeurs*, что в переводе: объединение людей, обладающих общей культурой, нравами, обычаями.

смысловых пониманий в различных языках и многообразия исторических моделей формирования наций возникли совершенно разные его толкования: исследователи пишут о двух таких толкованиях нации – государственном и культурном или этническом [20, с. 365–374; 21, с. 213–215].

Ряд исследователей – например, К. Энлое, Х. Сетон-Уотсон – критически относятся к понятию «нация», считая его тождественным понятию «государство» [22, с. 57]. Действительно, в английском и французском языках понятие «нация» часто используется в качестве синонима понятия «государство» и связано с гражданством людей¹ [23, с. 847; 17, с. 685] (как пишет R. Breton, понятие «нация» священо, связано с суверенитетом и государственностью [18, с. 14]), что можно, как полагает Ф. Хан, объяснить совпадением этнических и политических границ и наличием у нации собственного государства [22, с. 56]. Однако для разделенных народов или государств, сформировавшихся на иммиграционной основе, понятие нация не совпадает с понятием «государство» и приобретает этнический или культурный смысл.

Итак, в западной социологии преобладает взгляд, согласно которому нация – совокупность граждан одного государства, то есть территориально-политическая общность. При этом в вопросе о соотношении этничности и гражданства в зарождении современных наций одни исследователи (например, Горовиц и У. Коннор) полагают, что нации и государства выросли из этнических сообществ [24, с. 46], тогда как другие (Т. Неирн и Э. Геллнер), напротив, считают, что государства породили нации [25, с. 121–123]. Как отмечает Э. Паин, правы и те, и другие: «одни нации создавались усилиями государств, которые силой стирали этнические и региональные перегородки внутри страны, другие – усилиями лидеров этнических общностей» [9, с. 151]. В то же время, пишет Э. Ян, несмотря на возникшее государственное толкование нации, всегда сохранялось ее первоначальное этническое понимание, согласно которому этнос как союз людей характеризуется не зависящими от территориальной принадлежности качествами – типа общности происхождения, традиций и обычаев, порой конфессии и особенно языка [26, с. 116].

Отечественный исследователь В.И. Тишков тоже предлагает гражданско-государственный признак нации в качестве основного, считая единственным источником и фактором формирования нации политику «нациестроительства» национального государства [27, с. 37]. В то же время Тишков определяет принадлежность к этносу через культурную самоидентификацию – «это общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях» [28, с. 12]. Однако нужно учесть, что и нация, и этнос имеют схожие признаки. Например, «осознание народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других, которое строится в большей мере на способности сравнивать себя с другими нациями» [28, с. 12]. Некоторые идеи В. Тишкова вызывают критические замеча-

¹ В английском языке «nation» – 1. государство, состоящее из групп людей, объединенных наличием одной культуры, языка, истории, проживающих на одной территории, подконтрольной одному правительству (африканская нация); 2. вся совокупность людей, проживающих в стране.

Во французском языке nation – крупное сообщество людей, проживающих преимущественно на одной территории, характеризующихся историческими традициями, общей культурой, совпадающими экономическими интересами, одним языком и одной религией (например, французская нация).

ния. Во-первых, в своих работах, как отмечает М.О. Мнацаканян, Тишков пишет, что этносы – это догосударственные, донациональные образования, что уже не корректно: «принять данный тезис – значит утверждать, что до 1928 г. испанцы и португальцы были нациями, имея свои национальные государства, а чехи и венгры – этническими «догосударственными образованиями», хотя они входили в число наиболее цивилизованных народов Европы» [29, с. 64–65]. Во-вторых, Тишков считает понятие «нация» неким конструктом, выдумкой, иллюзией: «развенчав слово, можно развенчать и саму нацию и лишиться активистов использовать ее для специфических целей мобилизации» [28, с. 16]. Хочется в этой связи задать вопрос: а что делать в таком случае с исторической памятью или национальными чувствами?

Во многом близка позиция Тишкова еще одному отечественному исследователю А.Г. Здравомыслову, согласно которому нация – это «совокупность общественных отношений» [30, с. 115]. То есть, если бы не было деления по этническим группам, была бы возможность приблизиться к идее равенства гражданских прав и все были бы только гражданами определенного государства. Таким образом, «понятие «нация» находится на более высоком понятийном уровне» [30, с. 115–116], – отмечает Здравомыслов.

Возвращаясь к зарубежным подходам к рассматриваемому вопросу, приведем позицию, самую, на наш взгляд, удачную. По мнению Э. Смита, каждая нация содержит в себе элементы как гражданско-территориальной, так и этнической (культурной) общности. Более того, в разные периоды истории соотношение гражданских и этнических представлений о нации может варьироваться. Как считает Смит, гражданский подход к понятию «нация» в странах с развитыми демократическими традициями отстаивают в основном правительства, политические элиты и этническое большинство. Меньшинствам же более присуща этническая трактовка нации, особенно когда возникает угроза самому существованию общности [31, с. 223–230]. Добавим, что некоторые исследователи используют понятие «этническая нация». Как считает Роберт Джексон, критерием между этническими группами и нациями являются интересы. В том случае, если группа отстаивает интересы, связанные с достижением, сохранением или восстановлением политической независимости или суверенитета, ее можно обозначать категорией «нация». Этническая группа имеет интерес, выраженный в свободе ассоциаций, культурной жизни без внешнего вмешательства, в осуществлении некоторых властных полномочий в виде автономии провинций, в получении определенных конституционных прав в образовательной и языковой сферах. Там же, где речь идет о конституционном признании прав, выходящих за рамки добровольной самодеятельности этнических ассоциаций, применим термин «этнонация», например франкофоны Квебека [32, с. 42].

Итак, ни одна из существующих сегодня концепций нации и этноса не является общепринятой. В западной науке преобладает взгляд, согласно которому нация – совокупность граждан одного государства, то есть территориально-политическая общность. В Центральной и Восточной Европе между понятиями «нация» и «этнос» нередко ставят знак равенства, признавая тем самым нацию этнической общностью. В российской науке принято считать нацию высшей

формой этноса, пришедшей на смену народности¹. Считаем, что различия в понимании данных терминов объективны и неизбежны в силу их обусловленности историческими и иными факторами. В любом случае можно констатировать тот факт, что понятие «нация», в отличие от «этноса», в большинстве случаев истолковывается как политический феномен, а их существенные различия особенно актуальны для полиэтничных государств.

Приравнивание или разграничение понятий «этнос» и «нация» может соответствующим образом повлиять на толкование терминов «национальный конфликт», «этнонациональный конфликт», «этнический конфликт», «межэтнический конфликт», «этнополитический конфликт». Тем не менее зачастую данные понятия используются в науке как синонимы [33, с. 5; 34, с. 12], что обусловлено, думается, тем, что не существует общепринятой концепции понимания данных понятий, которой скорее всего и не будет.

Особенности этнополитического конфликта могут быть выявлены через рассмотрение понятий «этнический конфликт» и (переходя к политической плоскости) «политический конфликт».

Важный момент в этом подчеркнул А.Р. Аклаев, который считает, что этнический конфликт, который может происходить в любой сфере, можно охарактеризовать по специфике участвующих в конфликте сторон – в этническом конфликте по крайней мере одна из сторон представлена этнической группой. Исходя из данного положения, В. Тишков определяет межэтнический конфликт как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [35, с. 8]. Л. Дробижева при этом подчеркивает, что не в каждый конфликт бывает вовлечен весь этнос, «это может быть его часть, группа, которая ощущает на себе или осознает противоречия, ведущие к конфликту» [36, с. 230].

Политический конфликт, как считает Аклаев, можно характеризовать на основании специфики той сферы, к которой он относится, то есть политики; другими словами, при анализе политического конфликта акцент ставится на особенностях предмета спора, который составляют специфические ресурсы в сфере политики [11, с. 23–24]. Этнополитический конфликт – понятие более сложное и многогранное, вбирающее в себя черты и элементы названных выше типов конфликта.

Таким образом, перенеся внимание в политическую плоскость, будет логичным упомянуть о политизации конфликта. Термин «политизация» в литературе употребляется в основном применительно к любому типу социального конфликта либо (относительно этнического конфликта) к этничности [37, с. 149; 38, с. 69; 39, с. 125].

Политизация любого социального конфликта, в частности этнического, будет, на наш взгляд, происходить в нескольких случаях.

---

¹ В этой связи отметим, что некоторые исследователи выделяют понятие «этнонация» – когда население государства может представлять собой и одну этническую общность. Только в этом случае нация может быть одновременно и этносом и так называться. Примером могут быть португальская, исландская, норвежская и шведская нации. Однако на практике границы государства редко совпадают с этническими границами.

1. Когда предмет этнического конфликта носит политический характер:

а) борьба за власть и другие ресурсы; примером может быть осетино-ингушский конфликт, суть которого сводится к территориальному спору за Пригородный район;

б) вопрос о праве на самоопределение: грузино-абхазский конфликт, который заключается в стремлении Абхазии к независимости, с одной стороны, и стремлении Грузии к построению унитарного государства – с другой.

2. Когда столкновение начинает затрагивать политические отношения, другими словами, в конфликт вовлечены политические субъекты (элиты, государство). Д.М. Фельдман в этой связи пишет: «Социальные конфликты проявляются как политические, если в них наряду с теми конкретными интересами, которые вызвали данный общественный конфликт, затрагиваются интересы удержания и перераспределения власти» [38, с. 28].

По участию элит в подобных конфликтах можно приводить множество примеров. Один из них – использование бывшей коммунистической номенклатурой энергии массовых национальных движений после распада СССР за республиканский суверенитет для сохранения за собой власти. В литературе существует даже особое понятие – «этническая мобилизация». Конструктивисты во главе с Ф. Бартом связывают это понятие с конструированием этничности, в которой ключевую роль играет этническая мобилизация, то есть мобилизация членов этнической группы на коллективные действия. Такая мобилизация необходима элитам для достижения своих политических целей [2, с. 35]. Поэтому часто говорят о политизации этничности, под которой Дж. Ротшильд понимает такой уровень мобилизации этничности, в результате которой она превращается из психологической, культурной, или социальной величины в политическую силу [40, с. 6]. Таким образом, в данном случае, с нашей точки зрения, нужно говорить об умышленной политизации конфликта. Бывают и случаи, когда возникает крайне много надуманных вещей, которые раздуваются элитами до конфликтов мирового масштаба. Люди всерьез обсуждают, насколько антиарабской или проамериканской является третья серия фильма «Властелин Колец» (там силы зла представлены смуглолицыми людьми в масках, а силы добра – белокуроыми арийцами), является ли оскорбительным для американских негров уголовный процесс над чернокожим миллионером О.Дж. Симпсоном, и т. д. Как ни странно, но подобные конфликты способны вызвать жестокие столкновения и массовые протесты (процесс над Симпсоном сопровождался маршем протеста миллиона чернокожих мужчин на Вашингтон, организованным «Нацией Ислама»)¹.

3. Когда конфликт приобретает политическое выражение (организованные массовые акции, угрожающие политической стабильности). Это особенно четко продемонстрировали недавние события во Франции, в частности так называемые «студенческие волнения», одной из мощных составляющих которых были иммигранты. Сегодня им нужен лишь повод, чтобы взорвать политическую стабильность, к которой так привыкла благополучная Европа.

¹ По материалам федеральных СМИ.

4. Когда в конфликт вмешивается третья сторона в лице какого-либо государства или международной организации или конфликт влияет на стабильность/нестабильность международной среды (в данном случае конфликт приобретает и международный характер [38, с. 68]). Примером может быть вмешательство ЕС и НАТО в конфликт «младших» общин Югославии со «старшей», сербской, когда проводились бомбардировки Белграда, как считают многие специалисты, не в интересах взаимоприемлемого решения косовской проблемы, а в целях сокрушения Сербии, считающейся форпостом российского влияния на Балканах.

На наш взгляд, нужно выделить дополнительный фактор, усиливающий политизацию конфликта, – влияние примера решения конфликта в одном государстве на разрешение подобного противоречия в другом. Вполне справедливо, например, что решение, которое будет принято по косовской проблеме, должно иметь универсальный характер, в том числе и для конфликтов на пространстве СНГ. Как заметил Путин, «если косовским албанцам можно создавать собственное государство, то почему мы должны отказывать в этом абхазам и южным осетинам» [41].

Исходя из вышеизложенного, считаем логичным вывод о том, что любой этнический конфликт «обречен» быть политизированным. Причем конкретный конфликт может испытывать на себе влияние нескольких из перечисленных нами факторов. В этом случае мы будем говорить о факторах, усиливающих политизацию конфликта.

Отметим, что бывают и случаи, когда изначально политический конфликт приобретает этническую окраску и становится уже этнополитическим. В таком случае исследователи говорят об этнизации политического конфликта и считают, что особую опасность представляет политизация этнических конфликтов и этнизация политических [42, с. 88–90]. Один из примеров последнего: Грузия вышла из Союза с нарушением всех конституционных норм. У руководства СССР не нашлось тогда политической воли, чтобы решить проблему с соблюдением всех конституционных норм, а Южная Осетия решительно не хотела, чтобы Грузия «прихватила» ее при выходе из СССР. В результате политический конфликт перерос в межнациональное противостояние.

Таким образом, политическая составляющая этнополитического конфликта выступает в двух ипостасях: в качестве первопричины, или основы конфликта, то есть предмета разногласий (впрочем, как и социально-экономическая), а также в виде участия в конфликте политического субъекта. Этническая же составляющая может выступать, на наш взгляд, только в виде участия субъекта, но не в качестве предмета конфликта. Это мы попытались отобразить в схеме 2.

Этот вывод был сделан в рамках инструменталистского и конструктивистского подходов, которые, как мы уже отмечали, рассматривают этнический конфликт как одну из форм проявления конфликтного взаимодействия соперничающих групп и согласно которым сама по себе этничность не порождает конфликта.

Сфера	Этническая	Политическая	Социально-экономическая
Субъект	+	+	–
Предмет	–	+	+

Схема 2. Субъектно-предметные варианты этнополитического конфликта

«Политическая»		«Социально-экономическая»		«Этническая»
<i>государство</i>		<i>экономическая ситуация</i>		–
<i>властные отношения</i>	<i>глобализация</i>	<i>иммиграция</i>	<i>застарелые антагонизмы</i>	<i>дефицит властных ресурсов</i>
<i>демократия</i>	<i>национализм</i>	<i>культурная несовместимость</i>		
<i>реализация права на самоопределение проводимая политика</i>				

Схема 3. Конфликтность сфер

Более того, высокую степень конфликтности следует, как нам думается, искать, прежде всего, в социально-экономической и политической сферах жизни общества (схема 3).

Политическая сфера обладает высокой степенью конфликтности. Во-первых, государство – сущность конкурентная и конфликтная. Д.М. Фельдман пишет, что, будучи институтом поддержания стабильности и целостности общества, контролируя и регулируя деятельность составляющих его социальных групп, оно является главным субъектом политики, располагающим специализированными органами и средствами для обеспечения своего господства, выполнения политических функций [38, с. 34]. В свою очередь, исследователь Г. Мирский, например, считает, что в основе этнических конфликтов и этнических движений последних десятилетий лежит ослабление «центра», играющего роль «обруча», стабилизатора взаимоотношений между народами многонациональных образований [43, с. 113].

Во-вторых, властные отношения и борьба за властные ресурсы всегда будут носить конфликтный характер. М. Вебер говорил о том, что люди борются между собой не только потому, что они «делятся на мужчин и женщин; бедных и богатых; черных, желтых и белых; живущих в столице государства или на его границах, но, прежде всего, потому, что одни из них участвуют во власти, а другие нет, одни господствуют, а другие подчиняются» [38, с. 27]. Одни из основоположников теории конфликта, Р. Дарендорф и Л. Козер, считали власть и дефицит ресурсов основными причинами конфликта. Это подтверждает борьба соперничающих групп за власть, которая прикрывается лозунгами и призывами к свободе, автономии, суверенитету. Поэтому в литературе довольно популярным подходом к объяснению причин конфликта является политологический, который выявляет роль элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации чувств, усилении межэтнической напряженности и эскалации ее

до уровня открытого конфликта [35, с. 8; 44, с. 46] (об этом мы писали применительно к факторам политизации конфликта). Как считает М.М. Лебедева, общество, даже самое демократическое и гражданское, как правило, становится объектом манипуляций для политических сил, которые в борьбе за власть спекулируют «комплексом побежденного» [45, с. 207]. Еще один подход заслуживает серьезного внимания в этой связи. Главным в концепции коллективного действия является обоснование первенствующего значения коллективных интересов, которые побуждают людей действовать, выбирая те или иные формы поведения. По мнению Ч. Тили, в наибольшей мере мобилизуют людей вопросы политической жизни, связанные с борьбой за власть [36, с. 236–237].

Сам демократический режим содержит в себе конфликтные элементы. Это, например, соотношение принципов «территориальной целостности» и «самоопределения народов» или основной постулат постулатов демократии – свобода передвижения и выбора места жительства, который стал играть против провозгласивших его западных стран, когда возникла проблема роста числа иммигрантов.

Стремление этносов к национальному самоопределению и сепаратизм также отнесем к политической сфере в качестве конфликтных элементов, поскольку данные явления сопровождались и будут сопровождаться конфликтными ситуациями. Примеров этому множество – от довольно мирных в случае с Черногорией, которая была бывшей союзной республикой, и именно потому процесс проходит спокойно, до вооруженных противостояний бывших автономных областей внутри республик: Косово, Абхазии, Южной Осетии и т. д.

Политика в узком смысле слова также создает условия для конфликтов¹. Примером может служить дискриминация этнических групп. Еще до недавнего референдума о независимости правительство Черногории гарантировало гражданам Сербии все те же права, что имеют черногорцы, кроме одного – избирательного права, что, безусловно, вызовет рано или поздно недовольство.

Наконец, пространство политики – это пространство частных интересов, которые зачастую не совпадают, что тоже приводит к конфликту.

Социально-экономическая сфера, к которой мы отнесли и культуру в основном своем значении (как «совокупность производительных, общественных и духовных достижений людей» [46, с. 313]), обладает не меньшей конфликтностью.

Относительно рассматриваемой нами сферы конфликтности в литературе существуют следующие поведенческие или социально-психологические подходы. Во-первых, – теория фрустрации-агрессии Д. Долларда, Н. Миллера, Л. Берковица [36, с. 234], согласно которой конфликт может возникнуть из-за состояния опасности от ущерба, нанесенного группе, препятствий в осуществлении цели. Все это ведет к агрессии и в конечном итоге – к конфликту.

От этой теории берет свое начало попытка вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп. П. Сорокин при выяснении вопроса о причинах конфликтов пришел к выводу, что непосредственной их предпосылкой является увеличение подав-

---

¹ В данном случае политика – основные направления деятельности властно-управленческих структур.

ленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения [47, с. 272–273]. Этот подход может применяться и к этнополитическим конфликтам, поскольку отказ группе в удовлетворении ее базовых потребностей вызывает «страх уничтожения» группы, и это, по мнению Т. Гурра – еще одного представителя данной теории, делает этнические конфликты постоянным и неизбежным элементом социально-политической системы [36, с. 234].

Причинами конфликтов с точки зрения социально-психологического подхода являются и застарелые антагонизмы, которые, как нам кажется, являются неким психологическим фактором. Таковыми в литературе считают взаимные обиды, претензии, культурные травмы, вызванные, например, исторической несправедливостью [42, с. 94].

Антагонизмы можно наблюдать в отношениях между армянами и азербайджанцами, сербами и боснийцами, курдами и арабами в Ираке, протестантами и католиками в Северной Ирландии или в длительном отчуждении между фламандцами и валлонами в Бельгии, франкофонами и англоговорящими в Канаде, абхазцами и грузинами, порождающем ксенофобию, национализм, расизм. Например, согласно исследованиям израильского института демократии, 62% граждан страны полагают, что правительству надлежит стимулировать эмиграцию арабов из Израиля. Евреи, столько веков страдавшие от расизма, сами приобшились к нему [48]. В ходе недавнего опроса русского населения Эстонии 85% респондентов заявило о проявлении русофобии практически во всех сферах общественной жизни страны. 7% сталкивались с проявлениями русофобии на работе, почти в два раза больше людей – 13% – на бытовом уровне, а 16% – в средствах массовой информации. 34% опрошенных считают, что русофобия в Эстонии проявляется на государственном уровне [49].

Социологический подход основывается на анализе этнических параметров социальных групп, а также на различных параметрах общественной системы. По мнению французских социологов, источником конфликтов служат и непрерывные изменения в общественной системе. Вместе с тем, как замечает Ж.-П. Пажес, и сам конфликт может воздействовать на изменение в общественной системе [50, с. 107].

Одним из социально-экономических факторов А.В. Глухова считает сложную географию этнического расселения, «включая этнические вкрапления на территориях, где проживают другие этнические группы» [42, с. 94]. Примером может быть этническая чересполосица в СССР, которая, как считает Г. Мирский, явилась частично следствием исторического развития, частично – элементом политики «разделяй и властвуй». Почти в каждой республике имелись национальные меньшинства, в некоторых случаях весьма значительные, что «объективно закладывало мины замедленного действия, которые при изменившейся ситуации непременно должны были взорваться» [51, с. 15], что и произошло.

Что касается социально-экономических факторов, то примерами могут быть также недовольные своим положением Каталония, на долю которой приходится ¼ экспорта Испании, Фландрия, обеспечивающая 60% ВВП Бельгии. В последнее время говорят даже о новой волне сепаратизма – экономической

[52, с. 120–129]. Приведенный пример является неким доказательством идеи отечественного исследователя Е.И. Степанова о том, что развитие межнационального конфликта начинается с формирования у населения тревожного ощущения того, что происходит серьезное ухудшение материального и социального положения [44, с. 205].

Далее считаем необходимым рассмотреть и те конфликтные факторы, которые относятся и к политической, и к социально-экономической сферам.

Прежде всего, к таковым относится глобализация, следствием которой стали сложные миграционные процессы, что, в свою очередь, вызвало две проблемы: 1. проблему адаптации мигрантов к иноэтничной культуре; 2. ресурсную конкуренцию, прежде всего на рынке труда, а также в ряде стран – в сфере жилья, социальных услуг [53, с. 103]. Как отмечает В.С. Рахманин, новые этнические образования на чужой территории ограничены в возможностях удовлетворения потребности в самобытном устройстве и национальном развитии. Они, как правило, занимают низшие ступени в этнической стратификации и «не всегда могут пользоваться каналами вертикальной мобильности, в частности образованием» [53, с. 103]. Исходя из подхода Л. Козера о том, что причины конфликтов материального свойства – ограниченность ресурсов, такое положение части иммигрантов является твердым основанием для возникновения конфликтных отношений.

Один из примеров этого – волнения иммигрантов в Европе. Если первые мигранты, помня о своем куда более бедственном существовании на родине, такое положение еще терпели, то их дети делать это абсолютно не намерены. Это особенно четко продемонстрировали осенние события во Франции, которые мы уже приводили в качестве примера.

Более того, недовольство существует уже и со стороны коренного населения, поскольку, во-первых, как пишут Иноземцев и Кузнецова, эмигранты «образуют диаспоры и локальные сообщества, живущие, прежде всего, в соответствии со своими собственными нормами и лишь во вторую очередь по законам приютившей их страны» [54, с. 137]. Это характеризует нормативно-ценностный подход Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, согласно которому главной причиной таких конфликтов является несовпадение целей и интересов групп, в частности, когда переселенцы не учитывают особенностей местных жителей [55, с. 33–34; 56, с. 48].

Во-вторых, иммигранты становятся признаком ухудшающегося положения. Оказавшиеся в крайне сложном положении либеральные европейские правительства вынуждены как-то выкручиваться. Так, в последнее время некоторые страны даже стали изготавливать специальные кинострашилки, направленные на потенциальных переселенцев. Австралия, например, распространила в странах Тихоокеанского региона киноролик, в котором показывала змей, ядовитых насекомых, крокодилов и акул, эффективно уменьшающих народонаселение Зеленого континента. Норвегия продемонстрировала в сопредельных странах «потемкинские деревни», ужасающие бытовые условия, в которых якобы предстоит жить приезжим. А правительство Голландии решило запугать выходцев из мусульманских стран показом целующихся гомосексуалистов, легально работающих проституток, а также продемонстрировало Божью кару –

страшное наводнение, которое якобы постигнет эту порочную страну в скором будущем [57]. Все это имеет какой-то временный эффект, но не способно изменить общую тенденцию.

Как заявляют специалисты, сегодня вполне понятно, что реальных рычагов остановить потоки иммигрантов из развивающихся стран Европа не имеет. Рост числа иммигрантов будет неизменно вызывать усиление национал-радикализма коренного населения и власти. А попытки государств ограничить рост и усиливающееся влияние (в условиях демократии, в том числе, и политическое) переселенцев вызовут неизбежные конфликты в обществе, которые могут вылиться в открытое противостояние с организацией массовых беспорядков [58, с. 80–81; 59, с. 4–13].

Национализм, основной причиной которого является значительный рост иммиграции, тоже, на наш взгляд, относится к так называемой «пограничной» сфере. Во-первых, национализм в самом широком смысле слова определяют как «идеологию, основанную на убеждении, что народ, обладающий общими свойствами, такими как язык, религия или этничность, составляет особую политическую общность»¹ [60, с. 45], что позволяет говорить о нем как о политическом феномене. Во-вторых, национализм содержит и культурную составляющую: большинство исследователей рассуждают о политическом и культурном национализме [31, с. 223–230].

Причинами национализма являются и застарелые антагонизмы, о которых уже велась речь при рассмотрении социально-психологического подхода к причинам конфликта. Таким образом, как пишет М. Иордан, этнополитический конфликт зачастую двуслоен. В нем «закодированы» как история противоречивого взаимоотношения столкнувшихся национальностей, так и современный спор [61, с. 116]. Поэтому мы отнесли антагонизмы к пограничной сфере между этнической и социально-экономической и считаем, что их нужно рассматривать не как причины, а, с одной стороны, как некую основу для возникновения конфликта, с другой – как последствия конфликтных отношений, сложившихся в определенный момент не из-за этнических различий. Например, у басков остались воспоминания об этнической дискриминации в период франкистской диктатуры. Несмотря на то, что в Испании прочно укрепилась демократия, унитарное государство фактически федерализовалось, разделившись на несколько автономных сообществ, включая Басконию, в пределах которой баскское население в качестве «титальной нации» пользуется чрезвычайно широкими правами, баски продолжают борьбу.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что, с одной стороны, политика, политические интересы и другие конфликтные элементы провоцируют этнополитические конфликты, с другой – сами эти конфликты становятся одним из наиболее существенных и драматических факторов как определенных сфер, в которых они происходят, так и жизни общества в целом.

Этническая сфера, на наш взгляд, не конфликтна сама по себе. Однако этнический фактор, то есть сам факт участия в конфликте этноса или его части,

---

¹ В англоязычной литературе широкое распространение получил близкий по содержанию к подобным образом истолкованному «национализму» термин *nation building*, то есть «строительство нации».

становится определяющим с точки зрения характера этнополитического конфликта.

Во-первых, как пишет А. Здравомыслов, «межнациональные конфликты – это конфликты, которые так или иначе включают в себя национально-этническую мотивацию» [62, с. 6]. В свою очередь, А.В. Дмитриев, как и многие другие исследователи, отмечает, что нация, этнос или этническая группа лучше мобилизуются в условиях конфликта [59, с. 7]. Действительно, должно произойти что-то очень значимое, чтобы заставить 80% черногорцев – «одной из самых ленивых наций в мире» [63] – выйти на голосование об обособлении Черногории.

Во-вторых, именно этнический элемент делает конфликт бескомпромиссным, с высоким уровнем жестокости и большой вероятностью применения оружия, сложным для регулирования социальным конфликтом. Это происходит в силу консолидации первичных общностей, когда начинают действовать механизмы противопоставления групп по принципу «мы-они», добавляется отрицательная оценка чужаков. Как пишут Э.Р. Тагиров и Л.С. Тронева, с появлением образа национального врага «деформируется естественная этническая комплементарность, приобретая искаженный характер» [64, с. 142].

По подсчетам директора Института Мира в Осло Д. Смита две трети войн только за половину 90-х годов прошлого века связаны с этническими конфликтами. Две четверти их жертв – мирное население [12, с. 18].

Сложность урегулирования этнополитических конфликтов демонстрирует множество неразрешенных или «замороженных» конфликтов нашей современности: косовская проблема, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия и др.

Подведем итоги:

1. В силу сложности и многогранности понятия «этнополитический конфликт» считаем целесообразным рассмотреть его одновременно в этнической и политической системах. В первом случае необходимо рассмотреть понятия: этничность, этнос, этнический конфликт; во втором – политический конфликт, политизация конфликта.

2. Рассматривая понятие этничность как одну из категорий, характеризующих этнополитический конфликт в этническом измерении, отметим, что в литературе сложились три основных парадигмы этничности – примордиализм, инструментализм и конструктивизм. С точки зрения анализа конфликта считаем наиболее правильно рассматривать природу этничности как сложную, включающую множество элементов.

3. Ни одна из существующих сегодня концепций нации и этноса не является общепринятой. В западной науке преобладает взгляд, согласно которому нация – совокупность граждан одного государства. В Центральной и Восточной Европе между понятиями «нация» и «этнос» нередко ставят знак равенства. В российской науке принято считать нацию высшей формой этноса, пришедшей на смену народности. В любом случае можно констатировать тот факт, что понятие «нация», в отличие от этноса, в большинстве случаев истолковывается как политический феномен, а их существенные различия особенно актуальны для полиэтничных государств.

4. Несмотря на различное понимание терминов «этнос» и «нация», понятия «национальный конфликт», «этнонациональный конфликт», «этнический конфликт», «межэтнический конфликт», «этнополитический конфликт» имеют право на существование в научной литературе и могут использоваться как синонимы. Однако очевидна специфика этнополитического конфликта, который демонстрирует взаимосвязь этнических и политических факторов.

5. Существуют факторы политизации этнического конфликта, рассмотрение которых приводит к выводу о том, что этнический конфликт обречен на политизацию. Причем политическая составляющая, как и социально-экономическая, может выступать и в качестве предмета конфликта, и в виде участия политических субъектов, этническая же характеризуется только спецификой субъекта конфликта, поскольку этническая сфера не является конфликтной. Тем не менее этнический фактор определяет характер и динамику развития конфликта.

6. Являясь следствием противоречий в политической, социально-экономической системах, этнополитический конфликт оказывает существенное влияние на стабильность и различные процессы этих систем, в том числе и на международную, вследствие чего можно констатировать, что зачастую этнополитический конфликт носит и международный характер.

7. Взяв за основу сделанные выводы при рассмотрении этнополитического конфликта в двух плоскостях, попытаемся дать определение этнополитическому конфликту: это конфликт по поводу различных благ, ценностей и интересов (в том числе и политических) двух или более субъектов, которые действуют по принципу этничности и в котором в определенных случаях один из субъектов – политический актор.

8. Относительно причин этнополитического конфликта:

а) В литературе раскрыты вопросы причинности социальных конфликтов, в частности этнополитических, в рамках «теории конфликта» (Р. Дарендорф, Л. Козер); социально-психологического подхода – теория фрустрации-агрессии (Д. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц), теория базовых потребностей (П. Сорокин), концепция коллективного действия (Ч. Тилли); нормативно-ценностного подхода (Э. Дюркгейм и Т. Парсонс); социологического подхода – (Ж.-П. Пажес), а также в работах А.Г. Здравомыслова, Е.И. Степанова, Л. Дробижевой, В. Тишкова, В. Рахманина применительно к этнополитическим конфликтам в России.

б) Поскольку, во-первых, каждый конфликт имеет свою специфику, во-вторых, казуальные основы могут меняться в ходе эскалации конфликта, особенно если они затяжные; наконец, поскольку причины могут быть переплеты между собой, как и факторы, можно утверждать следующее:

1. понять причины конкретного этнополитического конфликта, исходя из какой-то одной теории, нельзя;

2. приведенные нами «факторы» конфликтности в конкретном конфликте и на определенных этапах его развития могут выступать как в качестве причины, так и в качестве фактора. Отметим при этом и то, что зачастую конкретный конфликт содержит несколько причин и испытывает на себе влияние огромного количества факторов.

Summary

N.V. Vyayanova. The specificity and the causes of an ethno-political conflict.

The article attempts to reveal a specificity of an ethno-political conflict through its consideration in two planes – political and ethnic. In the first case such concepts, as ethnicity, ethnos, the ethnic conflict are considered; in the second – political conflict, “politization” of the conflict. There is also a question on a degree of conflictness of political, social and economic and ethnic (the latter is not conflictive itself) spheres reflected in the article. The basic theories of causality of an ethno-political conflict are analyzed under the condition that all of them are complementary, and the conflict itself is influenced by a plenty of factors.

Литература

1. *Тураев В.А.* Этнополитология. – М.: Логос, 2004. – 388 с.
2. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 2000. – 367 с.
3. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
4. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы. – М.: Наука, 1997. – 230 с.
5. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Питер, 1999. – 230 с.
6. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
7. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 390 с.
8. *Белков П.Л.* О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. Сб. ст. / Отв. ред. В.А. Попов. – М.: Наука, 1993. – 344 с.
9. *Паин Э.А.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое изд-во, 2004. – 248 с.
10. *Рыбаков С.Е.* Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 3. – С. 3–24.
11. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – 472 с.
12. *Дробижеева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Праксис, 2003. – 320 с.
13. *Заринов И.Ю.* Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 3–30.
14. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. – 272 с.
15. *Тишков В.А.* Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. – М.: Наука, 2002. – 326 с.
16. *Татуниц С.А.* Этносоциология: проблемы, перспективы преподавания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Соц. и пол. – 2000. – № 1. – С. 67–77.
17. Le Robert micro dictionnaire d' apprentissage de la langue française / redaction dirigée par Alain Rey. – Paris, 1994. – 1376 p.
18. *Breton R.* L' ethnopolitique. Que sais-je? Т. 2984. – Paris: Presses Universitaires de France, 1995. – 105 p.
19. International Dictionary of English / Paul Procter. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1173 p.
20. *Кольев А.Н.* Нация и государство: теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – 800 с.

21. *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардарики, 2002. – 526 с.
22. *Марченко Г.И.* Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. – 1995. – № 2. – С. 52–60.
23. Oxford Advanced Learner's Dictionary / Ed. by Sally Wehmeier. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1539 p.
24. *Norowitz Donald L.* Ethnic Groups in Conflict. – London, 1985. – 685 p.
25. *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991 – 319 с.
26. *Ян Э.* Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. – 2000. – № 1. – С. 114–123.
27. *Тишков В.А.* Очерки теории этничности в России. – М.: Наука, 1997. – 290 с.
28. *Тишков В.А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 3–24.
29. *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм: социология и психология национальной жизни. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 367 с.
30. *Здравомыслов А.Г.* Релятивистская теория нации и рефлексивная политика // ОНС. – 1997. – № 4. – С. 115–120.
31. *Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 458 с.
32. *Мухарямов Н.М.* Вопросы теории этнополитического анализа. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996. – 187 с.
33. *Исмагилов Р.Ф., Карагодов А.В., Сальников В.П.* Межнациональный конфликт: понятия, динамика, механизм разрешения. – СПб.: Университет, 2003. – 144 с.
34. *Копптерс Б., Ремакль Э., Зверев А.* Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн. Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов. – М.: Весь мир, 1997. – 304 с.
35. *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 4–16.
36. *Арутюнян Ю.В., Дробижьева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
37. *Глухова А.В.* Конфликт: сдача Бреды или конструктивное разрешение? // Социс. – 2001. – № 2. – С. 144–149.
38. *Фельдман Д.М.* Политология конфликта. – М.: Стратегия, 1998. – 200 с.
39. *Амелин В.Н.* Социология политики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 186 с.
40. *Бориштолец К.* Этничность и политика (Некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Соц. и пол. – 1999. – № 4. – С. 3–21.
41. Конец красивой легенды о грузинском вине: Южная Осетия за неделю [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Регнум». – 07.05.2006. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/636543.html>.
42. *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.
43. *Мирский Г.И.* Этнократия – новая угроза? (выдержки из книги с комментариями И. Кремера) // МЭМО. – 2002. – № 5. – С. 111–114.
44. *Степанов Е.И., Васильева Е.И.* Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 343 с.
45. *Лебедева М.М.* Мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 365 с.

46. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
47. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
48. «Гаарец»: Не коротковат ли спасательный канат? [Электронный ресурс] // Информационное агентство Cursorinfo.co.il. – 11.05.2006. – Режим доступа: <http://cursorinfo.co.il/news/prensa/2006/05/11/sh-1/>.
49. *Базак О., Перевозкина М., Звегинцев В.* Враги народов. Эстония. Украина. Грузия [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 11.05.2006. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/numbers/2168/article75125.htm>.
50. *Пажес Ж.-П.* Конфликты и общественное мнение // Социс. – 1991. – № 7. – С. 105–112.
51. *Мирский Г.* Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – № 2. – С. 12–22.
52. *Хухлыдина Л., Ходаков Д.* Интеграция: объединенная Европа или сообщество свободных европейских регионов // Белорусский журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1994. – № 4. – С. 120–129.
53. Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2002. – 402 с.
54. *Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С.* Глобальный конфликт XXI в. (Размышления об истоках и перспективах цивилизационных противоречий) // Полис. – 2001. – № 6. – С. 131–139.
55. *Хамзина Г.Р.* Ценностная мотивация этнического конфликта – Казань: Карпол, 1999. – 99 с.
56. *Большаков А.Г.* Политический конфликт: возможности управления и исследовательские традиции. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 90 с.
57. *Воскресенский П.* Теория «золотого миллиарда» устарела [Электронный ресурс] // Республика Татарстан. – 19.05. 2006. – Режим доступа: <http://rt-online.ru/numbers/social/?id=28986>.
58. *Орлов А.* Иммиграционный бум. Где решение проблемы? // Междунар. жизнь. – 2002. – № 12. – С. 79–88.
59. *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социс. – 2004. – № 10. – С. 4–13.
60. *Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 356 с.
61. *Иордан М.* Наука национального примирения // ОНС. – 1992. – № 4. – С. 110–116.
62. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 286 с.
63. *Аверин В.* СиЧ: окончательный распад [Электронный ресурс] // Маяк.ру. – 22.05.2003. – Режим доступа: <http://mayak.rfn.ru/archive/text?stream=schedules/6852&item=27820>.
64. *Тагиров Э.Р., Тронова Л.С.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. – Казань: Изд-во КФЭИ, 1996. – 240 с.

Поступила в редакцию
06.02.07